

ОТЗЫВ

**на диссертацию Макки Султан-Гиреевны Албогачиевой
«Ислам в социальной жизни ингушей: история, практики,
институции (XVIII—начало XXI в.)», представленную к защите
на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 5.6.4. — Этнология, антропология и этнография**

Изучение роли ислама в истории и культуре народов Кавказа имеет в отечественной науке давнюю традицию и представлено именами замечательной плеяды российских историков и религиоведов, этнологов и философов. В последние годы проблемы истории и современного состояния ислама на Кавказе в силу своей актуальности и общественной значимости привлекают все большее внимание многочисленных отечественных и зарубежных исследователей. Между тем, и сегодня ощущается явная нехватка глубоких фундаментальных исследований, посвященных отдельным регионам Кавказа и обобщающих как данные полевого материала, так и комплекс архивных источников и научной литературы. При этом важно, чтобы полевой материал носил не отрывочный характер, а являлся бы результатом многолетней и последовательной полевой работы, осуществляемой в рамках единого научного плана.

Диссертационное исследование М. С.-Г. Албогачиевой, несомненно, заслуживает особого внимания как ее коллег историков и этнологов, так и представителей государственных, общественных и религиозных институтов, связанных с решением жизненно важных проблем религиозной и общественной жизни ингушского общества.

Структура диссертации, на наш взгляд, хорошо продумана и отвечает основным целям и задачам исследования. Работа состоит из Введения, четырех глав основного текста, содержащих тринадцать параграфов с отдельными выводами в конце каждой из глав, а также Заключение, списка источников и научной литературы (591 наименование), в том числе архивных источников на русском и иностранных языках.

Во Введении (с. 4–29) автор подробно обосновывает выбор темы диссертации и обозначает степень ее разработанности, актуальность работы, ее научную новизну, равно как и объект диссертационного исследования и его предмет. Нельзя не согласиться с автором в том, что одна из важнейших предпосылок актуальности изучения темы ислама в жизни ингушей обусловлена теоретической и практической значимостью вопросов, касающихся многонационального, многоконфессионального российского общества и сложных этнополитических процессов в регионе Северного Кавказа. Необходимо подчеркнуть, что изучение истории, современных практик и местных исламских институций определяет особую сложность темы и ее междисциплинарный характер. Для успешной работы в данной области специалист должен обладать немалой компетентностью в смежных дисциплинах, опираться на базовые знания, связанные с исламом

классическим, а также на понимание особенностей религиозной практики ингушей, у которых традиционно развит культ шейхов и их потомков по мужской линии, почитание мест их захоронений и объектов, связанных с их духовной жизнью.

Как известно, в 1960-е гг. антропология ислама становится важным самостоятельным направлением мировой науки. К числу первых, кто стал изучать повседневные исламские практики, нужно отнести американского антрополога и социолога К. Гирца. Существенный вклад в развитие антропологии ислама внесли труды британского социального антрополога Э. Геллнера, а также американских ученых Т. Асада, С. Махмуда и др. Собственно исламу на Кавказе большое внимание уделял известный исламовед А. Беннигсен. Между тем, следует подчеркнуть, что автор рассматриваемого диссертационного исследования является сегодня практически единственным специалистом-этнографом, систематически занимающимся вопросами истории и современного состояния ислама в Ингушетии.

Цель диссертации — комплексный анализ роли ислама в социальной жизни ингушей в период XVIII — начала XXI вв. Автор при этом ставит перед собой задачу не просто описать бытующие в данном социуме религиозные практики и институты, а представить их роль и влияние на религиозную ситуацию в Ингушетии с последующим конструированием элементов оптимальной модели межнационального и межконфессионального взаимодействия и согласия в Северо-Кавказском регионе. Все это определяет как теоретическую, так и практическую значимость работы, ее научную новизну и ценность.

Первая глава диссертации «Традиционные религиозные верования и мировые религии среди ингушей» (с. 30–78) состоит из трех параграфов, характеризующих традиционные верования и монотеистические религии ингушей. В этой главе автор в хронологической последовательности рассматривает языческие верования, этапы христианизации и исламизации общества. Представленные материалы позволяют реконструировать структуру древнего ингушского пантеона, в котором каждое божество имело свой «домен влияния», свое определенное место в божественной иерархии.

Диссертант отмечает, что постепенно, несмотря на стойкую приверженность ингушей своим прежним верованиям, среди них стали наблюдаться случаи перехода в православие. Этому предшествовала большая работа христианских миссионеров. В свою очередь, видя, что среди ингушей есть и люди, сомневающиеся в новой религии, заинтересованные в исламизации региона, мусульмане соседних земель — Чечни, Дагестана, Кабарды — развернули активную миссионерскую деятельность среди ингушей (с. 53). Автор подчеркивает, что мусульманские проповедники пытались утвердить свое влияние в регионе, где не было четко устоявшихся традиций монотеизма. Наибольшего успеха и перелома религиозных настроений в пользу ислама удалось достичь чеченским шейхам, которые

смогли, зная язык соседей, донести до сознания ингушей основы ислама. Диссертант последовательно рассматривает историю распространения ислама среди ингушей с середины XIX в. до настоящего времени: от эпохи царской России, СССР вплоть до периода перестройки и настоящего времени.

Вторая глава «Социально-религиозная структура ингушского общества: тарикаты, братства, религиозные практики» (с. 79–149) включает три параграфа, в которых представлены важнейшие биографические сведения об основателях религиозных братств Ингушетии. В первых двух параграфах диссертант показывает особенности каждого из рассматриваемых братств и описывает ритуальные практики, связанные с ключевыми обрядами жизненного цикла. При этом особое внимание уделяет ритуалу поминания - *зикру*. Автор отмечает, что в повседневной жизни вирдовая принадлежность не имеет особого значения, скорее играя важную роль в организации некоторых обрядов (похороны и поминки).

М. С.-Г. Албогачиева исследует специфику местной суфийской традиции, которая не полностью укладывается в формы традиционного суфизма. Ее основное отличие состоит в том, что член братства-*мюрид* полностью подчиняется своему учителю-наставнику, признает его авторитет не только во всех вопросах, связанных с религиозной жизнью, но и в светских вопросах. Автор отмечает, что в этом отношении пример Ингушетии, Чечни и Дагестана уникален. Поскольку там нет живых шейхов, то почитают ушедших из жизни учителей, строго следуя их заветам, которые передаются из поколения в поколение. Адепты-*мюриды* продолжают почитать ушедших из жизни учителей (Кунта-хаджи, Батал-хаджи, Хусейн-хаджи и др.). Как и все суфии, ингуши придают большое значение клятве верности учителю-наставнику, *муршиду*.

Диссертант подчеркивает особую важность обета *мюрида* придерживаться пути-*тариката* избранного им учителя. Несмотря на отсутствие живых шейхов, на современном этапе любой желающий может изменить свою приверженность тому или иному братству, приняв обет выполнять все *вирд*-задания другого братства, оставленные шейхом при жизни. Еще одно важное отличие регионального варианта суфизма в том, что современные его адепты, проживающие на территории Северного Кавказа, не являются звеном цепочки преемственности, так как не получали личного благословения, т. е. *иджазы* – дозволения от наставника-*муршида*. Подобная практика также не вполне соответствует сложившейся суфийской традиции. Автор показывает, что *вирды* несут в себе одновременно интеграционные и дезинтеграционные тенденции, сплачивая одни группы и разделяя другие на основе принципа вероучения и обрядовых практик.

Диссертант отмечает важную особенность, связанную с посещением святынь-*зийаратов*, и проводит параллели с соседним мусульманским Дагестаном, где подробно описан такой порядок посещения у рутульцев (с. 147). Автор показывает, что объединяет и что отличает подобный ритуал

посещения. Важным достоинством главы является то, что диссертант приводит подробный перечень почитаемых ингушами *зийаратов*, поясняя при этом, в связи с чем тот или иной объект является особо почитаемым.

Третья глава «Обрядовые практики и этносоциальные реликты в современном ингушском обществе» (с. 150–268) рассматривает вопросы, касающиеся рождения ребенка, брака, похорон, поминок. Диссертант подчеркивает, что для функционирования любого традиционного общества важны обряды жизненного цикла, так как весь уклад индивида так или иначе связан с его этнической и конфессиональной принадлежностью. Автор отмечает, что многие обряды находятся в тесном переплетении с ингушскими обычаями-*адатами*, так как на протяжении всей истории их развития общество было вынуждено жить по неписанным правилам, которые были прежде установлены.

Укрепление ислама и постепенное его внедрение в обряды жизненного цикла привели к появлению смешанных практик, включающих элементы обычного права, *адата*, и шариата. По мнению автора, со временем нормы шариата вытесняли или адаптировали многие элементы адата. Тем не менее, в настоящее время в ингушском обществе продолжают существовать и нормы адатного права, которые вступают в явное противоречие с нормами ислама. Примером могут служить такие архаичные обычаи, которые продолжают бытовать и в ингушском обществе как, например:

- кража невест, которую молодежь до недавнего времени воспринимала как аутентично мусульманский обычай;
- кровная месть, согласно которой и по адату, и по шариату допустимо убийство виновного, при этом, по шариату наиболее богоугодное деяние — это прощение убийцы, а по адату — месть.

В диссертации подробно рассматриваются практики, связанные с мусульманскими праздниками, которые бытовали в ингушском обществе со времен принятия ислама, при этом масштабность праздничных мероприятий и их пропаганда, указывает автор, растут год от года. Диссертант не оставил без внимания и тот факт, что самым противоречивым является праздник дня рождения пророка Мухаммада (с. 268). Часть современной молодежи, относящаяся к салафитам, не отмечает этот праздник и считает его недопустимым и противоречащим нормам ислама. Несмотря на все существующие противоречия, он активно отмечается значительной частью общества.

Четвертая глава «Религиозные институты и их функции в современной Ингушетии» (с. 269–360) отражает работу, проводившуюся Муфтием Ингушетии с момента его создания (1993 г.) до настоящего времени. Диссертант подробно рассматривает вопросы, касающиеся деятельности шариатского суда, религиозного образования, роли и значения культовых сооружений для ингушского общества.

Автор отмечает, что религиозные институты и их функции на современном этапе во многом зависели от деятельности муфтията как мощного генератора общественно-политических процессов в ингушском обществе. Со дня своего основания муфтият активно включился во все процессы религиозной жизни общества. Был создан Совет *алимов*, в республике начали строиться мечети, открываться медресе и исламские институты, началось преподавание основ религии в общеобразовательных учреждениях республики.

Диссертант отмечает, что в 1999 г. по инициативе первого президента Республики Ингушетии Руслана Аушева был создан и начал работу шариатский суд как официальный орган судебной власти. В 2001 г. Министерство юстиции РФ его запретило, признав незаконным, и с этого времени он продолжает свою работу как консультативный орган для физических лиц. Несмотря на отсутствие у шариатского суда официального правового статуса, многие вопросы, возникающие в ингушском обществе, решаются именно там.

М. С.-Г. Албогачиева не уходит от рассмотрения самых острых вопросов, связанных с современной религиозной и социально-политической ситуацией в Ингушетии. Так, диссертант затрагивает одну из наиболее серьезных проблем последних лет — противостояние власти и местных религиозных структур. Автор отмечает, что эти противоречия приводят к серьезным негативным последствиям. Нарушился важнейший для Ингушетии механизм координации деятельности общества и власти. Официально приостановлена деятельность Муфтията, Совета *тейпов*, работа радио «Ангушт» и ряда печатных средств массовой информации. Это, несомненно, имеет негативные последствия как для ингушского общества, так и для мусульманской *уммы* в целом.

В Заключение (с. 361-374) диссертант подводит общие итоги исследования и формулирует основные его выводы.

Анализ письменных источников XVIII — начала XX вв., материалы полевых исследований позволили проследить процесс исламизации ингушского общества, который растянулся на века из-за различий социально-экономических интересов и геополитических подходов. Ислам распространился в ингушском обществе в середине XIX в. и плавно и влился в духовную культуру местного общества, где последние века велась активная борьба между христианством и мусульманской религией за духовное и общественно-политическое лидерство. «Придя на смену конфессиональному плюрализму, мусульманская религия заняла господствующую позицию и постепенно вытеснила существовавшие в обществе языческие представления, а также остатки бывшего христианского влияния...

Проведенное исследование позволило показать, что каждое божество ингушского пантеона имело свой домен влияния и свое место в божественной иерархии. В пантеоне нашли отражение обычаи, традиции, религиозные воззрения ингушей от древнейших эпох до XIX в. Это

свидетельствует о глубине, богатстве, разнообразии их духовного мира и жизненного уклада...» (с. 361).

Предлагая далее свое видение решения проблемы радикализации ингушского общества, диссертант подчеркивает необходимость активной религиозной политики и считает, что на все спорные вопросы, которые возникают между традиционным духовенством и радикалами, нужно отвечать грамотным богословам, способным «развенчать мифы» и дать правильную оценку ситуации. С этой целью необходимо проводить беседы в мечетях, на сходах и исламских конференциях, на которых будут выступать авторитетные богословы с критической аргументацией против открыто джихадистских идей. Предложенные диссертантом подходы могут стать серьезным консолидирующим фактором, и этот потенциал необходимо использовать для укрепления этноконфессионального взаимодействия в республике.

Представленная М. С.-Г. Албогачиевой работа, на наш взгляд, практически лишена серьезных научно-теоретических огрехов. К числу отдельных замечаний, пожалуй, можно отнести ряд вкравшихся шероховатостей технического характера (опечаток). Не вполне оправданным представляется отсутствие в списке привлеченной научной литературы известных работ выдающегося отечественного востоковеда и исламоведа Р.Г. Ланды (1931-2021), посвященных истории и роли ислама в жизни народов России.

В целом, подготовленная М. С.-Г. Албогачиевой диссертация – фундаментальное самостоятельное исследование важного аспекта религиозной и культурной истории мусульман Северного Кавказа.

Исследование содержит значительный фактологический и научно-теоретический материал, ставший результатом многолетней полевой работы автора. По теме диссертации М. С.-Г. Албогачиевой опубликованы две монографии, разделы в 17 коллективных монографических трудах, более 70 научных статей, в том числе 19 - в реферируемых журналах ВАК.

Представленная М. С.-Г. Албогачиевой диссертация имеет большое практическое значение. Содержащиеся в ней материалы и выводы могут использоваться при составлении обобщающих трудов по истории народов Северного Кавказа, в лекционных курсах и учебных пособиях для студентов историков, этнографов и религиоведов соответствующих профилей обучения. Данная работа, безусловно, будет полезна современным политикам и практикам государственного строительства на Северном Кавказе.

М. С.-Г. Албогачиева активно вовлечена в религиозную и общественную жизнь своего народа. При этом, надо отметить, ей удалось максимальным образом сохранить объективность своих оценок и выводов.

На основании вышеизложенного полагаю, что диссертационное сочинение Макки Султан-Гиреевны Албогачиевой «Ислам в социальной жизни ингушей: история, практики, институции (XVIII-начало XXI вв.)» является завершенным научно-квалификационным исследованием.

Автореферат и опубликованные автором работы соответствуют содержанию диссертации. В исследовании решена научная проблема, имеющая большое социально-культурное значение. Диссертация полностью соответствует паспорту специальности и отвечает требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней» (Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842), а ее автор М.С.-Г. Албогачиева заслуживает присуждения искомой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.4. — этнология, антропология и этнография.

11.10.2021 г.

Официальный оппонент:

Дьяков Николай Николаевич,

доктор исторических наук (специальность 07.00.03. - всеобщая история), профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета

Тел. +7 911 848 3171

E-mail: nick-d@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

ПОДПИСЬ РУКИ

УДОСТОВЕРЯЮ

Заместитель начальника
Управления кадров ГУОРП

Хомутская Л. В.

11.10.2021